

«Страна десяти тысяч кукол»

Екатерина Дубровская

Однажды госпожа Миарэ-но сэдзи изготовила в подарок императору несколько очень красивых кукол наподобие придворных пажей. Ростом в пять вершков, они были наряжены в парадные одежды, волосы расчесаны на прямой пробор и закручены локонами на висках. Написав на каждой кукле ее имя, она преподнесла их императору. Государю особенно понравилась та, что была названа «принц Томоакира».

(Сэй-Сёнагон, «Записки у изголовья»)

Часть I

Японцы – известные мастера по части изготовления кукол с древних времен. Куклы изначально были не игрушками, а символами, талисманами, оберегами, приносящими радость, здоровье и красоту. Не случайно это островное государство называют «страной десяти тысяч кукол». Ведь японские куклы – понятие глубокое, потому что подразумевает под собой несколько видов творений из разных материалов и предназначенных для разных целей. Куклы-дети, куклы-самураи, куклы-божки, куклы-демоны из дерева, бумаги, глины, тканей, живых цветов или силикона.

Раньше производством кукол занимались зимой, а также в межсезонье целые деревни и поселки. Некоторые города и деревни до сих пор специализируются исключительно на производстве кукол. Так, например, в городке Ивацуки (префектура Сайтама) с населением в 100 тысяч человек сейчас работают более 300 мастерских по изготовлению кукол, более 100 оптовых магазинов, по-

ставляющих огромное количество кукол для праздников мальчиков и девочек.

МИР МАГИИ

Магические верования древних японцев основывались на восприятии окружающего мира как заселенного богами – *ками*, скры-

← Догу с кошачьими чертами.
Период Дзёмон. Керамика. Высота 15,2 см.
Из раскопок в префектуре Яманаси.

Догу. Период Дзёмон. Керамика.

тymi от глаз, но влияющими на все стороны жизни человека. Считалось, что, прибегнув к определенным обрядам, можно упростить таинственные силы помогать людям принести удачу в охоте, собрать хороший урожай, обеспечить победу над врагом, избавиться от зла и болезней. Трудно доподлинно установить, какой была духовная жизнь древних японцев, но бесспорно, что магия

господствовала в то время и куклы были ее воплощением.

Например, считалось, что куклы могли избавить ребенка от болезней и несчастий. В третий день третьего лунного месяца местные жрецы делали из бумаги кукол – мальчика и девочку, и совершали обряд переноса всех бед на эти фигуры, потом бросали их в речку, потоки которой должны были унес-

ти прочь зло и болезни, или же их сжигали. Чтобы предотвратить болезни, с приходом весны плели из соломы кукол и вместе с ритуальными лепешками «данго» развешивали на дереве у ворот дома.

Использование культовых фигурок, объемных и плоских кукол для сохранения здоровья, избавления от болезней и всевозможных неприятностей, тесно связано с широко

Слева:

Догу. Период Дзёмон. Керамика. 22x16 см.

Справа:

Ханива «воин». V-VI вв. Керамика. Высота 125,7 см.
Найдена в Ота, префектура Гумма, регион Канто.

Считалось, что, прибегнув к определенным обрядам, можно упросить таинственные силы помогать людям принести удачу в охоте, собрать хороший урожай, обеспечить победу над врагом, избавить от зла и болезней. Трудно доподлинно установить, какой была духовная жизнь древних японцев, но бесспорно, что магия господствовала в то время и куклы были ее воплощением.

распространенным в Древней Японии обрядом Великого очищения – *охараи*, к которому прибегали как простые люди, так и члены императорской семьи. Наипростейшим способом, который не требовал особых усилий и времени, был следующий: ритуальные фигурки терли о тело, чтобы неудачи и болезни перешли на них.

В «Записках у изголовья» («Макура-но соси», начало XI в.) Сэй-Сёнагон упоминает о дамах-куродо, которые «ломают палочки бамбука накануне *охараи* – «Великого очищения» – в последние дни шестой и двенадцатой луны». При помощи бамбуковых палочек дамы-куродо изменяли рост императора, императрицы, наследного принца. Потом делались куклы в натуральную величину и во время синтоистского ритуала *охараи* их поружали в бегущую воду, смывая магическим образом скверну с тех, кого они изображали.

Но основное избавление от скверны и грехов уходящего года с использованием бумажных изображений человека проходило в синтоистских храмах в канун Нового года. Проданные накануне за небольшую плату фигурки (их приобретали по

количеству членов семьи) после исполнения священником «Молитвословия Великого очищения» сжигали либо выбрасывали в горную реку. Куклы, спускаемые по реке, назывались *нагаси-бина*. По поверью, с ними уносились все беды и несчастья, угрожающие человеку.

В первый день Змеи в третью луну проходил Обряд очищения дня Змеи (*ми но хи но хараэ*) – люди выходили на берег реки и пускали по течению бумажных кукол, которых до этого прикладывали к телу.

Кроме того, в старой Японии существовало так называемое очищение в семи протоках (*нанасэ но хараэ*), о котором упоминается в «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу (X-XI вв.). Семеро гонцов из разных мест отправлялись к устью реки Кидзу около Киото и пускали по реке бумажных кукол, избавляющих от всей нечисти, болезней и несчастий, которым мог подвергнуться император.

В синтоистском обряде, наравне с другими предметами, использовался деревянный жезл – мостик между миром богов и людей. Посредницами в диалоге выступали жрицы *мико*¹ наделенные, как счита-

лось, необыкновенным даром свыше. Обряд носил магический характер, *мико* возвещали волю богов.²

Позже, когда жезл приобрел форму человеческого тела – отсюда и название куклы *нингё*, или *хитогата*, т. е. «человеческая форма», – в его верхней части обозначились черты лица. Кукла – пластический знак, обобщение, иносказательное выражение человека. Повторяя и отталкиваясь от его образа, кукла через физическое подобие связывалась с ним.

¹ Различали *мико* – девственниц, наследующих свой промысел от тетки, и *мико* – жриц при святилище, посредниц между kami и прихожанами. Такая жрица могла быть как наследницей, так и избранной божеством.

² Этот обряд близок к «куэси», когда, творя молитву, обращались к богам, чтобы узнать их волю.

Курган императора Нинтоку. V в. Сакаи, префектура Осака.

Ханива «придворная дама». Фрагмент. VI в. Керамика. Из раскопок кургана императора Нинтоку в префектуре Осака.

о предназначении догу пока нет. Предполагают, что они использовались в обрядах, связанных с культом плодородия, и, возможно, служили амулетами (позже символами плодородия и брака стали любые парные куклы). С их помощью устанавливалась связь человека с высшими силами природы: дождем, ветром, грозой, вулканами, солнцем. Вся поверхность догу покрыта зигзагами, треугольниками, полукругами и дисками – символическими изображениями высших сил. С помощью догу древние японцы пытались добиться прекращения стихийных бедствий: проливных дождей, засухи, извержения вулканов.

Наряду с антропоморфными статуэтками в культовой магии существовали и рельефные изображения лица на пластинках с разрезами глаз, рта и т. д. Они могли переходить в скульптуру головы или бюст. Плоские фигурки служили оберегами.

III-IV века были в Японии временем формирования единого, сильного государства, подчинившего себе большинство существовавших ранее разрозненных царств. Оно занимало обширные плодородные равнины Центральной Японии и по месту расположения стало называться Ямато. Главой Ямато был *тэнно*,

В Древней Японии все предметы, созданные людьми, в том числе и куклы, наделялись магической силой, которая могла вызвать божественный дух, а иногда и сами предметы воспринимались как боги. Одним из основных атрибутов магии всегда были скульптуры, являвшиеся пластическими изображениями отвлеченных образов.

К древнейшим прообразам кукол можно отнести *догу* (яп. «глиняная кукла») – фигурки человека или животного периода Дзёмон³, аналогичные тем, что изготавливались людьми в позднем палеолите и неолите по всей Земле. Большая часть *догу* – это женские фигурки с ярко выраженными вторичными половыми признаками. Точных данных

³ Период Дзёмон (букв. «эпоха веревочного орнамента») – период истории Аинов и японской истории с IV по III в. до н.э. Согласно археологической периодизации истории стран Запада период Дзёмон соответствует мезолиту и неолиту.

Ханива «воин». VI в. Керамика. Высота 64,2 см.
Из раскопок в Кумагая, префектуре Сайтама.

или *«небесный государь»* – верховный жрец, обладавший всей полнотой политической и духовной власти.

Главным почитаемым в Ямато божеством стала богиня солнца Аматэрасу, превратившаяся в прародительницу японского государства, в солнечного предка царя и царского рода. В эту эпоху приобрел небывалое значение культ предков. С его распространением связано возникновение погребальных ансамблей – грандиозных царских курганов. От этих ансамблей – их в Японии насчитывается несколько тысяч – произошло название периода Кофун («Старый курган»), продолжавшегося с III по VI век.

Погребальные курганы представляли собой высокие холмы, густо поросшие лесом и окруженные рвом. Их внешние очертания, планировка внутренних помещений, расположение и ориентировка всех компонентов отражали сложный комплекс миропредставления, сложившихся в Японии в начале нашей эры. Наиболее древние небольшие холмы Сю-кофун, расположенные преимущественно на острове Кюсю, имели в плане правильный круг – символ солнца и небесной сферы. Более поздние величественные погребения правителей Ямато были не только огромных размеров (курган Нингокутэнно, правившего в 395-427 годах, по занимаемой площади превосходит пирамиду Хеопса), но и сложной конфигурации. Они напоминали своими очертаниями замочную скважину. Своеобразное соединение в их плане круга и квадрата означало взаимодействие всего сущего – солнца, неба, земли, активных и пассивных первоначал природы Ян-Инь. Холм окружала широкая и очень ровная подковообразная полоса воды, отделяя это неприкосновенное царство мертвых от окружающего земного мира.

Оформление погребального места продолжалось много лет и являлось сложным магическим действием. Отбиралось и фиксировалось все наиболее связанное с идеей вечности, незыблемости сил природы.

сировалось все наиболее связанное с идеей вечности, незыблемости сил природы. Курган, сплошь покрытый густой растительностью, представлял собой искусно продуманное сооружение. Расположение деревьев, открытых и затененных мест – все подчинялось строгому замыслу. Каждый курган являлся своеобразным символическим подобием мироздания, как представляли его себе японцы, и их собственной родины.

Оформление погребального места продолжалось много лет и являлось сложным магическим действием. Отбиралось и фиксировалось все наиболее связанное с идеей вечности, незыблемости сил природы. Курган, покрытый густой растительностью, представлял собой искусно продуманное сооружение.

Ханива «женщина с ожерельем». 450-552 гг.
Керамика. Высота 64 см.
Найдена в префектуре Гумма.

знак его принадлежности к божественному роду. Все, что сопутствовало ритуалу погребения, выражало многослойные представления об охране и защите государства от враждебных сил. Комплекс предметов, находившихся в гробнице (керамические сосуды, драгоценные короны, ювелирные изделия, оружие), свидетельствовал об усложнившейся социальной организации и духовной жизни японского общества.

Особенно важную роль в погребальном ансамбле играл эскорт покойного, представленный в виде множества глиняных скульптур – ханива. В сюжетах этих фигурок, в особенностях их расположения отразились не только представления об устройстве мира, но впервые столь отчетливо выявились понятия о социальной организации, ритуалах и обрядах древних японцев.

Хотя образы ханива были в значительной мере навеяны образами китайской погребальной пластики, ее развитие шло самостоятельным путем. В отличие от Китая, где подобная скульптура скрывалась в подземном захоронении, ханива располагались по всей поверхности кургана, выполняя функцию охранителей покоя усопшего и отражая иерархическую структуру самого японского государства. Технические методы их изготовления, а также стилистические приемы подтверждают, что корни искусства ханива выросли на местной почве.

Название ханива (япон. «глиняный круг», хани – глина, ва – круг) связано с техникой изготовления, так называемым методом «вадзуми». Глиняные кольца накладывались друг на друга стопкой, образуя полые внутри фигурки, высотой от 30 см. до полутора метров, тщательно выравнивались, формовались, а затем обжигались при сравнительно низкой температуре (около 800°).

Ханива вели свое происхождение от глиняных столбиков, составлявших магическую ограду вокруг погребального холма. И хотя в дальнейшем их форма эволюционировала и значительно усложнилась, глиняный цилиндрический столб продолжал оставаться видоизмененной основой каждой статуи, играя роль устойчивого пьедестала.

Темы ханива не были стабильными. Они менялись на протяжении веков, отражая изменения в политической организации,

Символика погребального холма воссоздавала то, что было примечательным в природе самой Японии, – высокие деревья, водные пространства, а также воплощала идею сильной центральной власти, общественной иерархии; окружность основания напоминала о происхождении государства Ямато от солнечного предка. В каждой детали внутреннего убранства прослеживалась неразрывная связь с синтоистской мифологией. Останки царя помещались в выложенную каменными плитами подземную камеру, расположенную внутри холма. Керамический или каменный саркофаг, занимавший в ней центральное место, воспроизводил традиционную структуру дворца или святилища, приподнятого над землей и увенчанного массивной крышей. На грудь усопшему возлагалось круглое бронзовое зеркало –

Внизу:
Ханива «музыкант с кото*». VI в.
Керамика. Высота 72,6 см.
Из гробницы в городе Маэбаси,
префектура Гумма.

*Кото – традиционный японский щипковый музыкальный инструмент, японская цитра.

внутренней жизни общества. Наиболее древние ханива составляли небольшой круг символических образов. Это – щит, колчан, головной церемониальный убор, украшенные гравированным магическим узором. Появившись в период острой борьбы племенных вождей за власть, они утверждали их воинскую доблесть. На раннем этапе появились и *ханива* – модели синтоистских святилищ или амбаров. Они символизировали места обитания божеств и устанавливались на вершине погребального холма-кофуна.

В V-VI веках количество сюжетов значительно увеличилось. Появились многочисленные антропоморфные изображения: жрецов и жриц – главных персонажей священного ритуала синто, слуг и служанок, прислуживавших при сезонных празднествах, воинов – охранителей царства, а также крестьян, жертвенных животных, священных птиц, коней. О том, насколько важное место занимали эти скульптуры, свидетельствует их массовое изготовление в больших мастерских с привлечением многих ремесленников. Крупные погребальные ансамбли превращались в своеобразные царства глиняных статуй, вмещающая по нескольку тысяч ханива.

Сам процесс изготовления скульптур породил традиционность форм. Она определялась и ритуальным назначением пластики. Постепенно складывалась устойчивая иконографическая система изображений, канонизировался круг тем, фиксировались типы лиц, поз, одежд, а также типы жилищ.

Основной мифологический сюжет, питавший символику *ханива*, – ритуальное предстояние пород божественными силами вселенной. С этим связаны и строгие правила их расположения на поверхности кофуна, соответствовавшие общей космогонической ориентации погребения.

В зависимости от функции того или иного персонажа в ритуале мастера выявляли самую главную особенность образа, подчеркивали ее какой-нибудь выразительной деталью. Так, воины изображались в полном боевом снаряжении с нахмуренными и суровыми, зачастую полузакрытыми шлемами лицами.

Так, фигуры петуха – солнечной птицы, возвещавшей восход, и боевого коня, оседланного для похода, были обращены к востоку; модели домов – фасадами к югу; статуи воинов, воплощавшие идею охраны сакрального места, – к четырем странам света.

Большая часть фигур предназначалась для того, чтобы умиротворить духов природы. Это сообщало жестам статуй особую выразительность. С большой точностью изображались детали, указывающие на занятия, социальную принадлеж-

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси, город Кофу.
Вывоз кукол из храма Судзумия-Сува.

ность, – доспехи воина, магические украшения и одеяния жриц и жрецов, мотыга и серп крестьянина, сложные прически придворных дам. В зависимости от функции того или иного персонажа в ритуале мастера выявляли самую главную особенность образа, подчеркивали ее какой-нибудь выразительной деталью. Так, воины изображались в полном боевом снаряжении с нахмуренными и суровыми, зачастую полузакрытыми шлемами лицами. Их напряженные позы, как и традиционный жест руки, положенной на рукоять меча, символизировали отвагу, боевую готовность. Тонко моделированные лица жриц, предстающих перед невидимым божеством солнца с чашей вина, передавали состояние вакхического экстаза. Особенно выразительны их протянутые вперед или молитвенно сложенные у груди руки. Лица простых людей – девушек-служанок и крестьян – отличаются большей непринужденностью мимики. Они как бы полны наивной радости бытия, зачастую светлы и улыбки.

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси, город Кофу.
Девять сакральных кукол (все лица до определенного момента церемонии закрыты красной тканью).

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси,
город Кофу.
Торжественное открытие храма
Тэндзуси.

Очевидна связь между миром *ханива* и синтоистской мифологией. Если учесть, что право изготавливать ханива принадлежало жрецам-скульпторам ханиси, объединенных в орден «*ханибэ*», то нетрудно представить, насколько тесно были связаны ханива с освященным ритуалом.

Иконография ханива позволяет говорить о близости этих образцов погребальной пластики к кукле. И дело не только в том, что одно из названий антропоморфных *ханива* – *цутинингё* – включает слово «кукла» (*нингё*). В отличие от более ранних примеров древней скульптуры ханива поражают тщательной моделировкой лица, причем основным выразительным приемом служит лепка носа и подбровья, которые,

как правило, моделируются в одной манере. Прямой нос моделирован смело и крупно, а подбровья получались, видимо, с помощью приема,

когда глина собиралась пальцами при лепке переносицы. Редко, но все же встречаются накладные брови-валики. При этом обнаруживается большое сходство со средневековыми японскими театральными куклами, особенно в линии бровей и разрезе глаз. Рот и глаза делались острой стекой, с помощью которой просто вынималась глина. Преувеличенно большие, широко раскрытые глаза придают скульптурам ханива своеобразную прелесть. Исследователи ханива отмечают большое разнообразие в форме глаз, их разрезе, положении по отношению к переносице. Подобная проработка частей лица делала его особенно выразительным, живым и одухотворенным, чем не могли не воспользоваться мастера-кукольники следующих эпох. Это дает основания говорить о преемственности в моделировке лица театральной куклы Средневековья.

Скульптуры эпохи Дзёмон и *ханива*, о которых с определенной долей уверенности можно говорить как о прообразах театральных кукол, являлись участниками разнообразных обрядов, служили посредниками между людьми и высшими силами. Интересно, что в момент произнесения очищающих заклинаний, шаманы не просто держали кукол

История донесла до нас легенду об обиженных куклах, которые не смогли стерпеть непочтительного отношения к себе со стороны кукловода Масаэмона, заперевшего их в сундуке на долгие месяцы по окончании выступлений. Ежевечерние громкие жалобы и шумные излияния кукол заставили Масаэмона впредь относиться к ним бережно.

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси,
город Кофу.
Танец Омюки.

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси, город Кофу.
Кукла Охимэ-сама.

чувства», а не бросать как попало в сундук. Более того, известный рассказчик Такэмото Гидаю советовал «утром и вечером вынимать кукол из сундука и устраивать с ними торжественное шествие». Он призывал относиться к ним как к людям и наделял их чувствами, свойственными человеку.

В японских календарных обрядах всегда присутствовали божества, призванные умиротворить природные силы. Прежде всего это касается земледельческих обрядовых действий, таких как *та-асоби* («игры на поле»), *тауэ-синдзи* («магическая посадка риса»), *он-та мацури* («празднество июля») и др. Например, в кульминационный момент обряда *сирокаки* («вспахивание нивы») происходит шествие с выношением фигуры из соломы, изображающей по одной из версий *комори* – кормилицу, которая является персонификацией колоса риса – *ёнэбо*. Сам танец с выносом фигуры отчасти напоминает движение марионеток. Среди фигур, связанных с земледельческим культом, встречались такие кукольные персонажи как Самбасо, перекочевавшие потом в театры Но и Дзёрури, а также Ситифукудзин – «семь богов счастья».

В земледельческой обрядовости существовал обычай защиты полей от насекомых в мае. Для этого делались куклы, изображавшие воинов, которые несли функцию оберегов, и считались залогом будущего урожая. Но прежде чем принять форму кукол, это были обычные пугала (*какаси*), которые напоминали человека в одежде.

Куклы воспринимались как сверхсущества, связанные с потусторонними силами, от которых зависело дальнейшее благополучие и даже жизнь человека. Они становились центром обрядовых церемоний и праздников. Вокруг них устраивались ритуальные действия, которые

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси, город Кофу.
Кукла Окасима-сама.

перед собой, но манипулировали ею. В их руках куклы «оживали», как впоследствии это будет происходить в театре. Так в лоне культовой обрядности зарождалась театральная стихия, вылившаяся со временем в искусство кукольников.

Таким образом, в Японии, как и в других странах, кукол родила религиозная обрядность. Становясь объектами магии, они несли в себе тайну, в них сосредоточивались представления человека о загадочном. И, в то же время, можно отметить, что в Японии (возможно, в большей степени, чем где-либо еще) и сейчас к куклам сохраняется особое отношение. Они остались

в памяти носителями чуда, действия с ними – формой магии.

Магическое начало кукол настолько велико, что им придавались черты человеческого характера, даже не исключалась возможность их самостоятельной жизни вне сцены. История донесла до нас легенду об обиженных куклах, которые не смогли стерпеть непочтительного отношения к себе со стороны кукловода Масаэмона из театра Авадзи, заперевшего их в сундуке на долгие месяцы по окончании выступлений. Ежевечерние громкие жалобы и шумные излияния кукол заставили Масаэмона впредь относиться к ним бережно и уважительно, «цудя их

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси,
город Кофу.
Кукла Они-сама.

принимали театрализованный характер. Люди втягивались в игру, становились ее участниками, в душе надеясь, что силы природы будут к ним милостивы.

Связь кукол с ритуалом сохраняется в Японии и в наше время. В некоторых синтоистских храмах и сейчас можно увидеть кукол, которые принимают участие в местных обрядовых действиях. Так, в городе Кофу в храме Тэндзуси бережно хранятся девять кукол, считающиеся храмовыми божествами. Они боль-

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси,
город Кофу. Кукла Осакура-сама.

использовалась для представлений, сюжетом которых была любовь лошади Куригэ («гнедая лошадь») к принцессе Тамаё, со временем ставшей покровительницей шелководства. В храме Кохё на острове Кюсю сохранились куклы, вероятно самые старые в Японии, с их участием на ежегодных праздниках разыгрываются танцевальные и спортивные сценки. Примитивные формы кукол и сейчас сохраняются на северо-востоке Японии в районе Тохоку. В префектурах Фукуока и Оита известна кукла суминингё.

шие по размерам, сложные по конструкции, а некоторые управляются пятью кукловодами. Каждая из них имеет сакральное имя и обычное.

Куклы – главные участники праздника в храме Сува («Храм лодки»), основанного на старинном обряде спуска лодки на воду в близлежащей реке. Представление с участием кукол разыгрывается рядом с храмовым камнем, который имеет форму лодки и обматывается священной веревкой из рисовой соломы *симэнава*. А кукла Осира из того же храма

Весенний фестиваль в храме Тэндзуси,
город Кофу.
Кукла Отайко-сама.